

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 2, Number 306 (2016), 339 – 345

**LEGAL AND LINGUISTIC FEATURES OF HONOR,
DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION CASES
AMONG LINGUISTIC EXPERT'S CASES**

B. R. Ospanova

Karaganda State Technical University, Karaganda, Kazakhstan.
E-mail: o.b.r@mail.ru

Key words: investigation, linguistic expert, law, honor, dignity, reputation, act of outrage, indecent vocabulary.

Abstract. In the article there are analyzed various approaches to understanding linguistic and legal aspects of the language in the work of a linguistic expert, as well as in the development and systematization of the theoretical bases of the expert judicial linguistic investigations for the use of indecent forms of statements.

In judicial linguistic investigation in cases of honor, dignity and business reputation protection there figures prominently the problem of differentiating opinions of the use of an indecent form of statements. There are a lot of various estimated judgments, opinions regarding this matter.

УДК 34.096:801.7

**ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КАТЕГОРИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И
ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В РАМКАХ ДЕЛ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА**

Б. Р. Оспанова

Карагандинский государственный технический университет, Караганда, Казахстан

Ключевые слова: исследование, эксперт-лингвист, закон, честь, достоинство, репутация, оскорблениe, неприличная лексика.

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к пониманию лингвистического и юридического аспекта языка в работе эксперта-лингвиста, а также в разработке и систематизации теоретических оснований производства судебных лингвистических экспертиз по употреблению неприличных форм высказываний.

В судебной лингвистической экспертизе по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации большое место занимает задача разграничения утверждений об употреблении неприличной формы высказывания, по этому вопросу существуют различные оценочные суждения, мнения.

В современном научном мире наблюдается тенденция к использованию междисциплинарного подхода как обязательного подхода для проведения успешного исследования в области любой науки.

Судебная лингвистическая экспертиза – это междисциплинарное направление в науке, находящееся на стыке лингвистики и юриспруденции. В настоящее время активно развивается новая отрасль науки как юрислингвистика. Предметной областью этой научной отрасли являются проблемы использования лингвистических познаний в судебном разбирательстве. Исследователи, работающие в этом направлении, в качестве важнейшей своей задачи декларируют взаимную

адаптацию лингвистического и юридического понятийно-методологического аппарата, установление прямых корреляций между фактами языка и фактами права.

Юристы не обладают нужными знаниями и инструментами, необходимыми для лингвистического анализа текста, а лингвистам порой недостает юридической строгости, без которой невозможно вынести объективный вердикт.

Предметом экспертного исследования являются высказывания, выраженные в неприличной форме, которые являются объектом для анализа эксперта-лингвиста.

Законодательное регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации является одним из главных средств охраны прав граждан и юридических лиц от разного рода лживых измышлений, унижающих их человеческое достоинство и профессионализм.

Честь – это общественная оценка лица, мера его духовных и социальных качеств. Достоинство личности – внутренняя самооценка лицом собственных качеств, способностей, мировоззрения, своей общественной значимости. Репутация – оценка человека со стороны общества, родственников, друзей, сослуживцев, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках гражданина, его компетентности и коммуникабельности.

Наиболее часто применяемой формой защиты прав и свобод, охраняемых законом, является судебная защита. Статистические данные показывают, что обращения физических и юридических лиц в суды с исковым заявлением по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации ежегодно возрастает. Из них только половина исков удовлетворяется. Значительное количество дел заканчивается мировым соглашением сторон.

При рассмотрении дел суды выясняли – были ли распространенные сведения, об опровержении которых представлен иск, порочащими честь и достоинство граждан, репутацию организации, и соответствуют ли они действительности.

Бывают обстоятельства, когда распространенные сведения соответствуют действительности, однако выражены в оскорбительной, унижающей честь и достоинство форме.

Оскорблении могут быть высказаны как публично, так и с глазу на глаз, непосредственно потерпевшему или через третьих лиц. При оскорблении отрицательная оценка потерпевшего может быть достоверной, но преподнесена в неприличной форме и может выражаться не только в устной или письменной форме, но и в физических действиях, которые унижают человеческое достоинство. Законодательно закрепленные рамки свободы слова проявляются, прежде всего, в «лингвистических» ограничениях, в регулировании использования естественного языка.

Практика показала, что для установления многообразных фактов по таким делам необходимо применять специальные познания в области филологической текстологии, прикладной лингвистики, прикладного речеведения. При работе лингвистической экспертизы по искам об оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации важное значение имеет точное лингвистическое определение понятия «неприличная форма высказывания», которое является одной из важнейших составляющих юридического понятия «оскорбление». В статье 130 РБ УК РК и УК РФ «оскорбление» комментируется следующим образом: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме...»

Понятия *неприличная лексика, неприличная форма выражения, нецензурная лексика, ненормативная лексика, грубая лексика, вульгарная лексика, инвективная лексика*, используемые как в повседневном словоупотреблении, так и в лингвистической и юридической литературе, требуют уточнения применительно к бытовому, лингвистическому и юридическому пониманию, поскольку указанные понимания не совпадают у разных исследователей, например, в работах Стернина, Галишиной, Горбаневского.

Для повседневного и юридического аспекта проблемы важен морально-этический аспект анализа: понятия *приличие/неприличие* лежат в морально-этической плоскости общественного сознания. Поэтому разделение лексики и фразеологии по признаку приличная/неприличная носит именно морально-этический характер. Для лингвистики важен языковой аспект проблемы: какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как нецензурной, грубой, неприличной и т.д. Морально-этический анализ

словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе.

Несмотря на существующие исследования, именно «неприличная форма» является иногда камнем преткновения при определении наличия оскорбления. В научных статьях и методических рекомендациях по проведению судебно-лингвистических экспертиз (Бринев, Галяшина, Жельвис и др.) отмечается, что основным компонентом публичного оскорблении являются слова и выражения оскорбительного характера в адрес того или иного человека. Обычно в словарях они имеют пометы *Бран., Обсц.* и располагаются чаще всего в специальных словарях ненормативной лексики. По поводу обсценной и бранной лексики, содержащейся в подобных словарях, особых вопросов не возникает

Проблема определения приличности/неприличности высказывания, как отмечалось выше, приобретает особую значимость в лингвистической экспертологии (Голев, Бринев, Жельвис, Стернин, Кусов и др.). Размытость границ семантики «неприличная форма», недостаточная четкость ее определения в законе и множество порождаемых этой ситуацией вопросов и сомнений исследователей дают возможность утверждать, что определение «неприличной формы» высказывания при проведении судебной лингвистической экспертизы, за исключением случаев с матом, в большинстве случаев субъективно [1].

Эта субъективность усугубляется существующим противоречием перевода естественного текста-первоисточника на юридический язык, так как лингвистика «предполагает бесконечную глубину анализа (в частности, на интенциональной оси, особо значимой для юридических заключений), юридические же документы требуют жестко ограниченных оснований, доступных для осуществления практических правовых решений» [1].

Связывая оппозицию приличности/неприличности, пристойности/непристойности с табуированием, В.И.Жельвис замечает: «Не существует ничего непристойного для всего человечества. Непристойным может быть только то, что и данной национальной культуре и в данный момент определено как непристойное» [2]. Он подчеркивает: «понятие табуированности ориентировано на говорящего: говорящий сам решает, следовать ли запрещению на употребление этого слова, можно или нельзя в этом конкретном случае нарушить табу. Вся ответственность, таким образом, ложится здесь на автора высказывания».

В отличие от табуированности, понятие непристойности ориентировано на слушающего: здесь уже реципиент решает, пристойно или непристойно то, что он сейчас услышал. Матерная брань может не восприниматься как непристойная в пивном баре и, безусловно, вызовет возмущение на свадебной церемонии» [2].

Бринев К.И., рассматривая проблемы экспертной квалификации неприличной формы, замечает, что оппозиция *приличности/неприличности* «не принадлежит коду русского языка», «этот тип информации не кодируется в сообщении» и «объем и содержание понятия «неприличная форма» трудноопределены». Он констатирует: «Относительно матов существует этико-лингвистическое соглашение их не употреблять в любом виде (например, и междометно), тогда как относительно необсценных слов, вероятно, существует негласное соглашение в оценке: «Оскорблять других людей нехорошо» [3]. Автор утверждает, что «противопоставление *приличного* и *неприличного* является метапротивопоставлением, то есть находится не на уровне владения языком, а на уровне рефлексии о языке. Это метапредставление связано с этико-лингвистическими нормами. И в этом аспекте данные нормы ведут себя так же, как и все остальные нормы: они абсолютны и ситуационны, они объективны и субъективны» [3]. Он обращает внимание на то, что в русской речевой культуре негативно оценивается употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность. «Употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале – оскорблении как форма речевого поведения оценивается как неприличная, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление» [3].

Сложность определения *приличности/неприличности* формы выражения особенно ярко проявляется в работах И.А.Стернина. В своей статье «Оскорбление и неприличная форма высказывания как предмет лингвистической экспертизы» [4] автор разделяет ненормативную лексику и фразеологию на грубую (неприличную) и нецензурную (непристойную). Ненормативная лексика

«исключена моральным запретом общества из публичного употребления, при этом в некоторых ситуациях допускается в узком кругу общающихся, нецензурная же вообще исключается из употребления» [4].

Разграничивая высказывания, оскорбительные по содержанию и по форме, И.А.Стернин пишет: «Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае истца может оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию [5]. Позже (2010, 2013), указывая на различное понимание понятий *неприличная лексика, неприличная форма выражения, нецензурная лексика, ненормативная лексика, грубая лексика, вульгарная лексика, инвективная лексика* и т.д., он рассматривает понятие неприличности языковой формы в юридическом, лингвистическом и бытовом аспекте [5,6].

Ссылаясь на ст.5.61 КоАП РФ, определяющую наказание за оскорблении – умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме, ученый отмечает, что такое «понимание оскорблений является узким и опирается на относительно точный критерий – список нецензурных слов» [5]. Исходя из этой узости как данности, он подчеркивает: «неприличные языковые единицы с научно-лингвистической точки зрения – это нецензурные языковые единицы» [5,6]. Четко разграничивая нормативную и ненормативную лексику (основное различие которых заключается в допустимости публичного употребления), непостоянство отнесенности тех или иных единиц к той или иной группе, И.А.Стернин делит ненормативную лексику уже на 4 разряда: сниженную, вульгарную, бранную и нецензурную, указывая при этом: «В морально-этическом аспекте нормативная лексика квалифицируется как приличная, а сниженнная, вульгарная и бранная лексика – как *неуместная* в общественном месте, нецензурная – как *неприличная*» [5].

Г.В. Кусов, рассматривая в судебной лингвистической экспертизе решение проблемы «неприличная форма», понимает ее как крайне негативную обобщенную характеристику лица «в случае употребления ненормативной лексики (маты, грубой и обсценной лексики), то есть инвективной лексики» [7], Он отмечает, что свойства, признаки, детали, позволяющие решить эту проблему, – «самые сложные понятия, так как их содержание нельзя определить однозначно» [7].

Вопрос о противопоставлении *приличности/неприличности* еще не до конца решен. Мы разделяем точку зрения Н.Д. Голева, считающего, что формулировка закона должна приближаться к лингвистическому определению *приличности/неприличности*: «способом разрешения такого противоречия будет постепенное приспособление юридических канонов к требованиям функционирующего языка (творчески функционирующего языка!)» [8], особенно если учесть растущий уровень правосознания граждан, о чем свидетельствует все более частая замена в высказываниях нецензурной лексики эвфемизмами.

Все чаще на судебно-лингвистическую экспертизу с вопросами о наличии оскорблений поступают материалы, в которых наличествуют не обсценные слова и выражения, а слова и словосочетания типа *гулящая женщина, падшая женщина, подстилка, распутная*, которые, хотя и не имеют неприличной формы, но в сознании носителя языка вызывают аллюзии на обсценные эквиваленты.

Выражение *гулящая женщина* зафиксировано в Словаре русского языка в 4-х томах (МАС) в значении 2. Распутная, развратная (о женщине) [9]. В словаре Ненормативной лексики Д.И.Квеселевича во 2 значении «Распутная, развратная (о женщине)» [10] соотносится с толкованием обсценного слова в словаре «Русское сквернословие» также во 2 значении: «Презр. Распутная женщина, развратница» [9].

Подстилка – грубо-прост. презр. Женщина легкого поведения. Шлюха.

В свою очередь *шлюха* ставится в один синонимичный ряд со словом **проститутка** [10].

Потаскуха в МАС – Презр., прост. Женщина, ведущая себя развратно, беспутно [9].

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, когда не обладающие неприличной формой слова и выражения оказываются оскорбительными по содержанию и не могут быть квалифицированы как оскорбительные из-за формы. Возникает лингвистический нонсенс: форма оказывается важнее содержания. Хотя понятно, что носитель языка все равно выведет для себя эту неприличную форму через погашение пресуппозиций, которые возникают в его сознании при

декодировании текста, в данном случае через сему «распутная» он все равно выйдет на другие обсценные эквиваленты рассматриваемых слов.

Условность определения приличности/неприличности формы выражения создает еще одну серьезную проблему – проблему разграничения обиды и оскорблений. Если правовому регулированию подлежит только употребление в адрес конкретного человека непристойных (нецензурных) языковых форм, то в юридическом понимании нормативной лексикой можно только обидеть, но не оскорбить. Получается, если назвать человека, например, *хамом*, *жуликом*, он должен не оскорбиться, а обидеться. И назвавший его, таким образом, никакого наказания в юридическом плане не понесет. Данная позиция тем не менее вступает в противоречие с тем кругом лексических средств, которые определяются лингвистами как *оскорбительные*. Это слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность; зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека; слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности; нецензурные слова в качестве характеристики лица и т.д.

Итак, мы видим, что лингвисты сами очерчивают круг лексики, являющейся *неприличной*. На наш взгляд, некоторые из вышеупомянутых групп лексики несколько затруднительно назвать *непристойными*. Например, слова *хам*, *жулик*, обозначающие «антиобщественную, социально осуждаемую деятельность», оскорбительны по содержанию (означают социально неодобряемое поведение), но имеют ли *неприличную форму*?

«Судебная экспертиза – это, прежде всего, регулятор законности, утверждающий принцип верховенства права, а не субъективного мнения» [11]. В этом случае, на наш взгляд, определение *степени оскорбительности* зависит и от *языковой компетентности* лингвиста-эксперта. Налицо как необходимость конкретизации понятия «неприличная форма» в соответствующем законе, так и то, что это меняющееся со временем, зависящее от целого ряда факторов, например, национально-культурных или этикетных, языковое явление затруднительно ограничить жесткими рамками.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу, что если порочащее человека по содержанию выражение имеет нормативную – литературную или разговорную – форму выражения, эта форма не может быть признана оскорбительной, поскольку она остается в разряде нормативной, хотя разговорные словоупотребления и могут выглядеть стилистически неуместными в том или ином конкретном тексте, особенно письменном. В таком случае нет лингвистических и юридических оснований говорить о наличии в спорном тексте оскорблений.

Если выражение, оскорбительное по содержанию, имеет сниженную, грубую форму выражения, оно нарушает моральный запрет на публичное употребление подобной лексики, но тоже не является неприличным (непристойным) и не подлежит правовому регулированию, не свидетельствует о наличии в тексте лингвистических признаков оскорблений.

Если выражение содержит нецензурные слова, оно однозначно признается непристойной формой выражения мысли. Подчеркнем еще раз, что для бытового сознания неприличными или непристойными в равной мере считаются как сниженные, грубые, так и нецензурные выражения.

В обыденном языковом сознании, в бытовом, повседневном, нетерминологическом смысле, выражения неприличная, непристойная, ненормативная лексика выступают для носителей русского языка как синонимы; для обыденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные, грубые, и бранные, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (независимо, сниженная, бранная или нецензурная) может посчитать, что она неприлична (непристойна) и что он в результате оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания. Это является основанием многочисленных исков об оскорблении, которые с юридической точки зрения не могут быть удовлетворены.

С точки зрения обыденного сознания он прав, но с юридической точки зрения – нет. Отметим, что возможна и такая ситуация: некто употребляет в своей речи в общественном месте, в чьем-либо присутствии непристойные (нецензурные) выражения. Если непристойная форма не адресована конкретному лицу – это мелкое хулиганство, такое словоупотребление негативно характеризует говорящего и оскорбляет окружающих фактам своего употребления, которое не допускается в общественном месте.

В случае публичного употребления нецензурной лексики говорящий может быть подвергнут административному штрафу как за мелкое хулиганство (оскорбление общественной нравственности, но не конкретного лица); при этом во многих случаях ему не может быть предъявлено обвинение в оскорблении конкретного собеседника. За нецензурные выражения в общественном месте положен штраф, это оскорбляет общественную нравственность, но подлежит только административной ответственности. Но чтобы за использование нецензурных выражений юридически осудить или наказать человека, вменив ему оскорбление того или иного лица, необходимо, чтобы был удовлетворен еще ряд условий.

Само по себе употребление непристойных слов и выражений «еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

- прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
- при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;
- инвективная (то есть предназначенная для оскорблений) лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т.е. дается обобщенная оценка его личности»;
- выражение употреблено публично [12] №

Неприличная языковая форма высказывания (определенная через наличие в высказывании нецензурной лексики) автоматически не характеризует соответствующее высказывание как наносящее оскорбление адресату, унижающее его честь и достоинство. Неприличное языковое выражение в адрес кого-либо в юридическом смысле слова можно рассматривать как оскорбление данного человека только при соблюдении целого ряда дополнительных условий, удовлетворяющих юридическому толкованию понятия оскорбление – наличие умысла на оскорбление, обобщенность характеристики адресата, наличие конкретной негативной информации об адресате, фактологический характер сообщаемой информации, указание на нарушение закона или моральных норм и т.д. Иными словами, факт нецензурной браны в адрес кого-либо еще не является доказательством того, что в данном случае налицо оскорбление адресата (унижение его чести и достоинства).

Оскорбление необходимо доказать, установив путем анализа соответствующей коммуникативной ситуации целый ряд его признаков. [4]

Таким образом, понятия неприличная языковая форма и оскорбление с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия, что необходимо разъяснить истцам и ответчикам по делам об оскорблении, о защите чести и достоинства, и учитывать при подготовке лингвистических экспертиз. Неприличная языковая форма констатируется для любого случая публичного употребления нецензурных слов, что, однако не означает автоматически признания данного выражения оскорблением определенного лица, так как оскорбление предполагает целый ряд других диагностических признаков.

Необходимо также подчеркнуть, что с каждым исследованием по данной проблематике лингвисты (но не юристы) все более приближаются к объективности в решении вопроса о приличности/неприличности того или иного выражения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Голев Н.Д. “Герой капиталистического труда” – оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика: Межвузовский сб. научных трудов. – Барнаул, 1999. – № 1.
- [2] Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия) // Юрислингвистика: проблемы и перспективы. Межвузовский сб. научных трудов. – Барнаул, 2000.
- [3] Бринев К.И. Проблема экспертной оценки оскорблений. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Мат. интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология» 2010 // http://konference.siberia-expert.com/news/zakonchena_rabota_internet_konferencii_jurislingvistika_sudebnaja_lingvisticheskaja_ekspertiza_lingvokonfliktologija_juridiko_lingvistika_2012/2012-12-30-62
- [4] Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. – Томск, 2006.
- [5] Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика: лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика // http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/sternin_i_a_neprilichnaja

- [6] Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Вывявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорблений в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2013.
- [7] Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорблений»: развитие современной теории и практики // Российский судья. – 2011. – № 9.
- [8] Голев Н.Д. “Герой капиталистического труда” – оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика: Межвузовский сб. научных трудов. – Барнаул, 1999. № 1.
- [9] Малый академический словарь / Ред. А. П. Евгеньева. – М., 1984.
- [10] Квеселевич Д.И. Словарь ненормативной лексики. – 2005.
- [11] Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорблений»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. – 2013. – № 5 // <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-312>
- [12] Горбаневский М. Цена слова. – 2002.

REFERENCES

- [1] Golev N.D. "A hero of capitalist work", is this rank offensive? (about two strategies of the pragmatic analysis of the text as an object of forensic-linguistic examination), Forensic Linguistics: Interuniversity coll. of sci. works. Barnaul, 1999. No. 1.
- [2] Zhelvis V.I. Word and business: legal aspect of foul language) Forensic Linguistics: problems and prospects. Interuniversity coll. of sci. works. Barnaul, 2000.
- [3] Brinev K.I. Problem of expert assessment of an offence. An offence in the linguist's sense of justice. An offence as a speech act Proc. of Internet conferences "Forensic linguistics: judicial linguistic examination, linguistic conflictology". 2010. http://konference.siberia-expert.com/news/zakonchena_rabota_internet_konferencii_jurislingvistika_sudebnaja_lingvisticheskaja_ekspertiza_lingvokonfliktologija_juridiko_lingvistika_2012/2012-12-30-62
- [4] Sternin I.A. Offence and indecent language form as subject of linguistic examination (household and legal understanding). Antropotext, 1. Tomsk. 2006.
- [5] Sternin I.A. Indecent form of statement in the linguistic forensic analysis of the text, Forensic linguistics: linguistic examination, linguistic conflictology, forensic linguistic hermeneutics // http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2010_doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/sternin_i_a_neprilichnaja
- [6] Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D. L., Shamanova M. V. Identification of signs of humiliating honor, advantage, derogating business reputation and offence in linguistic examination of the text. Yaroslavl, 2013.
- [7] Kusov G.V. Judicial linguistic examination of "offence": development of modern theory and practice, Russian Judge, 2011. No. 9.
- [8] Small Academic Dictionary, Editor: A.P. Evgenyeva, M., 1984.
- [9] Kveselevich D.I. Dictionary of the offensive language, 2005.
- [10] Kusov G.V. Judicial linguistic examination of "offence": solution "of the problem of "indecent form", Russian Judge, 2013. No. 5, <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-312>
- [11] Gorbanovsky M. Word Price, 2002.

САРАПШЫ-ЛИНГВИСТТІК АЯҒЫНДАҒЫ РЕПУТАЦИЯ, АБЫРОЙЫН ҚОРҒАУ ТУРАЛЫ ІС ДӘРЕЖЕСІНДЕ ЗАНГЕРЛІК ЖӘНЕ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ, ҚҰНДЫЛЫҚ ЖӘНЕ ИСКЕРЛІК ЕРЕКШЕЛЕКТЕРИ

Б. Р. Оспанова

Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті, Қарағанды, Қазақстан

Түйін сөздер: зерттеу, лингвист-сарапшы, зан, абырай, құндылық, репутация, жәбірлеу, әдепсіз лексика.

Аннотация. Макалада сарапшы-лингвист жұмысында зангерлік және лингвистикалық тіл аспектілерінің түрлі жолдары жіктеледі, сонымен қатар әдепсіз сөйлеу түрлерін қолдануы бойынша соттық лингвистикалық сараптау негізінде теориялық жүйелендіріледі және әзірленеді.

Абырайын қорғау туралы іс дәрежесі бойынша соттық лингвистикалық сараптама әдепсіз сөйлеу түрлерін қолдану туралы шек қою тәртіпке үлкен орын беріледі, осы сұрақ бойынша түрлі бағалау пікірлер бар.

Поступила 17.03.2016 г.